

Анна Ахматова

(1889 – 1966)

Где даль небес лазурна и чиста,
где в соснах звон услышишь бесконечный,
там есть притин, таинственный и вечный,
и светом облечённые уста.

Строка державна. Кажется, проста.
Но в жизни одержимой, скоротечной,
не забудь о щедрости сердечной,
о силе слов и тяжести Креста.

За правду – продолжается борьба.
К летейским водам выведет тропа
нелюбящих, безропотных, унылых,

но не таких, чей ярый слог звенит,
сквозь негу смертную к живым летит,
огонь в душе рождая легкокрылый.

Вячеслав Иванов

(1866 – 1949)

Борением хотел бы превозмочь
земную тяжесть на дороге торной,
раскрыть слова в породе непокорной,
в молчащей клинописи – день и ночь.

По звёздам жизнь сверяя, обволочь
пытался тайной – дух высокогорный
и Дионисия характер вздорный
строкою светоносной истолочь!

Что под крылом несущейся купели?
Вновь мятежи космической метели,
немая плоть отвергнутых потерь?!

В его сонетах, тёплых от зарницы,
спят звуки италийской колесницы
и золотом отсвечивает «ерь».

Осип Мандельштам

(1891 – 1938)

Из камня рифмой высечен огонь –
и вспыхнула в душе строка живая.
И с этих пор, кого-то зазывая,
с надрывом голос рвётся высоко.

Тропой, где хмарь – отцветшая вигонь,
где волком век истошно завывает,
невольник-пеший, пошлость убивая,
идёт в Сибирь оттачивать арго.

Но где начало мученику-слогу,
кто составитель звёздных каталогов,
кто, чуя смерть, над углями дышал?

Он – гордый сын, кто закованным в звенья
стихи читал, и всем на удивленье
с ним шла по аду русская душа.

Евгений Поливанов

(1891 – 1938)

Чудак, знаток востока и санскрита,
Ему Басё – бред сакуры весной,
а говор простолюдина родной
изучен им с тончайшим колоритом.

В среде китайцев слыл за фаворита.
Хотел умерить поезд скоростной!
И слышал часто в брани площадной
латыни звуки, голосок хариты...

На кафедре научных неприятий
он превзошёл всех яркостью открытий,
умел достичь азийской глубины.

А перед пулей, под Ташкентом жгучим,
предвидел глубь языковую лучше
и за собой – ни капельки вины.

